

ИНТЕНСИВНОСТЬ И ЕЕ МЕСТО В РЯДУ ДРУГИХ СЕМАНТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ

Безумно устать, невероятно трудный – в русском, *вроло хладно, изванредно важан* – в сербскохорватском, *extremely interesting, to suffer terribly* – в английском языке... Примеры усиления, интенсификации признака (в широком смысле этого слова) мы встречаем буквально на каждом шагу в разных языках. Не случайно А. Вежбицкая считает необходимым среди так называемых семантических примитивов – т. е. «нескольких десятков понятий, получающих, по-видимому, лексическое воплощение во всех языках мира... из которых строятся все остальные понятия» [Вежбицкая 1997: 297] – выделить особый вид количественной характеристики признака, реализуемый универсальным языковым смыслом *очень* (отличный от смыслов *один, много, больше* и т. п.).

Явление интенсификации признака вызывает интерес у многих современных исследователей, в работах которых понятия **интенсивность, интенсификация, интенсификатор, категория интенсивности** широко употребляются, причем чаще всего как само собой разумеющиеся, привычные¹. Опираясь на мысль Ш. Балли, писавшего, что «под термином **интенсивность** следует понимать все различия, сводящиеся к категориям количества, величины, ценности, силы и т. п., вне зависимости от того, идет ли речь о конкретных представлениях или об абстрактных идеях» [Балли 1961: 202], в лингвистических исследованиях обычно принимается широкое понимание **интенсивности** как количественного изменения признака, изменения «уровня развития признака в рамках данной меры, не влекущего

¹ См. работы А. Н. Полянского, Т. В. Гридневой, В. Л. Мусяенко, В. В. Акуленко, Г. Ф. Гавриловой, А. Н. Ермаковой, Е. А. Ерофеевой, Г. И. Мамановой, С. Сафоновой, Л. Г. Титовой, М. Л. Фетискиной, Т. А. Цой, И. В. Червенковой, Е. В. Бельской и др. – на материале русского языка; И. И. Туранского, И. И. Убина, Е. И. Шейгал, Л. Л. Герасимовой, Л. Г. Котнюк, Г. И. Садовской, А. М. Семейко, Е. В. Лексиной, Е. Н. Сергеевой, К. И. Сувориной, А. Н. Трошкиной – на материале английского; И. И. Сущинского, К. Т. Рсалдинова – немецкого; Л. В. Воробьевой – французского; Н. В. Карповской – испанского; Т. Н. Григоренко – португальского языков. Данная категория оказывается настолько важной для решения задач практического перевода, что созданы специальные двуязычные словари усилительных словосочетаний (см., напр.: [Убин 1995]; [Сущинский 1997]).

за собой изменение данного качества» [Шейгал 1981: 13], т. е. его перехода в другое качество. Нам представляется, однако, что такое определение не помогает понять специфику именно интенсивности, ее отличия от других семантических категорий, не объясняет причину столь широкого использования усилительных средств в текстах самой разной функционально-стилистической принадлежности.

Между тем «многократная повторяемость в разных языковых элементах тождественных смыслов... свидетельствует об их важности в информационном пространстве человека» [Порядина 2003: 25] и свойственна именно самостоятельной семантической категории. Мы полагаем, что интенсивность – это особая семантическая категория, выделяемая, как и другие подобные категории, на основе общих семантических свойств и функций, присущих множеству языковых единиц ([Лукьянова 1991: 5]). Разумеется, «многокомпонентность семантики и ее континуальность дают языковым образованиям возможность входить по разным семантическим признакам в несколько семантических категорий» [Порядина 2003: 25]. Рассматриваемая нами категория находится, в том числе, в тесной взаимосвязи и взаимозависимости, с одной стороны, с такими «объективными» категориями, как качественность, количественность, мера признака и градуальность, а с другой стороны – с такими субъективно-прагматическими категориями, как экспрессивность, эмотивность, оценочность и образность. Вот почему мы считаем необходимым рассмотрение специфики категории интенсивности как в ее сходстве с названными выше категориями, так и с точки зрения их различий.

Остановимся прежде всего на соотношении интенсификации с другими количественными изменениями признака. Нам представляется, что есть все основания признать наличие в языке особого маркера *очень*, обозначающего величину признака, заметно превышающую обычную и поэтому существенную для человека (*очень сильный ветер*). Этот особый вид количественной характеристики противопоставлен другим ее видам, маркированным, например, универсальными языковыми смыслами *один*, *два* (точно измеренная величина), *достаточно* (достаточная), *слишком*, *чересчур* (чрезмерная), *больше* (сравнительная), *весь* (предельно возможная величина), и отличается от них ярко выраженной субъективностью.

Действительно, в случаях употребления всех количественных маркеров, кроме *очень*, всегда существует более или менее объективный критерий истинности суждения, некая внешняя система отсчета, относительно которой и устанавливается величина признака: установленная система мер, наличие другого сравнимого признака, объек-

тивные физические свойства предмета, практические требования ситуации. При использовании семантического примитива *очень* такую внешнюю объективную точку отсчета указать сложно. Вероятно, ею является норма – «узаконенное установление / обычный, общепринятый порядок, состояние чего-либо / образец, правило». Нормальным при этом признается, во-первых, узаконенный, требуемый (например, обществом) порядок вещей, а во-вторых, обычный, повседневный, на который в силу этого никто не обращает особого внимания.

Заметим, что специфику значения интенсификатора *очень* помогает выявить обращение к этимологии этого слова, возводимой исследователями к словам *око* [Фасмер 1996, 3: 177], *очнуться*, древнерусскому *очутити* ‘заметить, услышать, распознать’ [Черных 1999, 2: 613]. Можно предположить, что первичный смысл интенсификатора *очень* ‘заметно, ощутимо’ (*очень бояться* ‘бояться так, что это становится заметным’).

Категория интенсивности является категорией производной, промежуточной между базовыми категориями качественности и количественности. Взаимодействие количественных и качественных характеристик при интенсификации оказывается весьма непростым. С одной стороны, все изменения происходят в рамках данного качества, но, с другой стороны, что-то принципиально меняется для человека: хотя *ливень* – это всего лишь *сильный дождь*, но ведь возможно высказывание: «*Это уже не дождь, а ливень!*» (ср. рекламный слоган: *Цена не удивляет – цена поражает*).

Категорию интенсивности признают качественно-количественной семантической категорией многие исследователи. Так, А. В. Бондарко предполагает, что подобные категории (напр., категория компаративности), могут образовывать самостоятельные функционально-семантические поля, занимающие «серединное положение между полями качественности и количественности (пересекаясь и с тем и с другим)» [Бондарко 2001: 21]. «Категорию интенсивности можно представить как находящуюся на пересечении категории качества (неопределенного, недискретного) и количества (градуировемого, поддающегося количественной оценке)» [Шейгал 1981: 21–22]. Это не противоречит общему принципу: «...семантические категории могут пересекаться друг с другом, поскольку лексические средства реально обладают способностью совмещать различные функции и связанные с ними свойства, лежащие в основе разных семантических категорий» [Лукьянова 1991: 6].

Но «серединное положение» между категориями качественности и количественности, несомненно, занимают и категория меры признака ([Воротников 1999]), и категория недискретного количества ([Беловольская 1999]), и категория градуальности ([Колесникова 1999]). Попытка разграничить их приводит к пониманию того, что если для категории **градуальности** важнейшим становится «упорядочивание (градуирование) качественного признака по отношению к нулевой системе измерения (норме) по шкале градаций» [Колесникова 1999: 17], для категории **компаративности** на первый план выдвигается идея сравнения, для категории **недискретного количества** качественность уходит на второй план, главной становится идея количества, для категории **меры признака** важны объективные показатели «количества признака» (высокая – средняя – низкая интенсивность, избыточность – достаточность – недостаточность и т. п.), – то для категории **интенсивности** важнейшим становится прагматический аспект – субъективная значимость для участников ситуации данного увеличения количества признака.

Так, на выбор говорящим лексемы из ряда *холодный – прохладный – теплый – горячий* влияет и мера признака, и градуальность, но, на наш взгляд, при этом нельзя говорить об интенсификации признака. Ср.: *горячая вода в кране, горячий чай* – это нормально, не выделяется, не обращает на себя внимания. В высказываниях же типа *Безумно горячая вода сегодня в кране; Ужасно горячий чай ты налила – не обожгись!* проявляется именно интенсификация признака (с обязательной его выделенностью, выдвижением на первый план), что и делает их экспрессивными. Таким образом можно увидеть двоякую функцию интенсификации: включение в семантику языковой единицы смысла *очень* приводит, во-первых, к появлению значения «сила признака выше обычной», а во-вторых, к обязательному подчеркиванию, выделению модифицируемого признака.

Функция интенсификации отличается от функций других количественных определителей уровнем конкретности и объективности восприятия ситуации. Обратим в связи с этим внимание на то, что, хотя в высказывании возможна (и даже очень распространена) многократная интенсификация (*бешеная овация, мчаться сломя голову*), она вовсе не обязательно означает реальное усиление признака (ср.: *сухой – влажный – мокрый*).

Термин «интенсивность» представляется точным не всем исследователям. Так, Т. В. Матвеева ([Матвеева 1986]) предлагает заменить его более оптимальным, с ее точки зрения, термином «чрезмерность» (см. также [Лукиянова 1991: 15]). Едва ли такая замена пра-

вомерна. *Чересчур (слишком)* – это особый маркер величины признака, который несет значение не просто отклонения от нормы, но отклонения отрицательного, не соответствующего практическим требованиям конкретной ситуации и потому вызывающего пейоративную оценку (ср.: *Она его очень любит* и *Она чересчур любит его*). Семантический компонент *чересчур (слишком)* вносит в значение признака элемент сравнения, но не с обычной, привычной нормой, а с утилитарными, сиюминутными задачами (ср. с подобными различиями в значениях полной и краткой формы у прилагательного: *длинная юбка – юбка длинна*). Говорящий при этом решает разные коммуникативные задачи (ср.: *На улице очень сильный дождь – смотри, как красиво!* и *На улице слишком сильный дождь – не выходи пока из дома*). Интенсификаторы, даже такие, как *безмерно, безумно* и т. п., сочетаясь, например, со словом *любить*, не вносят отрицательных коннотаций, нежелательного отклонения от нормы, а «заметность», выделенность ситуации не воспринимается в этом случае как отрицательно чрезмерная.

Таким образом, в нашем понимании **категория интенсивности** – это семантическая категория прагматического характера, являющаяся производной от категорий количественности и качественности, с одной стороны, и особой прагматической категории, сущность которой не определена в теории функциональной грамматики. Однако ее содержание может быть осмыслено в рамках когнитивной лингвистики при помощи понятий «выделенность» (релевантность) и «выдвижение» (см. об этом: [Кубрякова и др. 1996: 21–25]). Можно предположить, что методы когнитивной семантики, «в которой принимается, что значение выражения не может быть сведено к объективной характеристике ситуации, описываемой высказыванием, не менее важным является и ракурс, выбираемый „концептуализатором” при рассмотрении ситуации и для выразительного портретирования ее» [Кубрякова и др. 1996: 73], – могут оказаться эффективными для описания категории интенсивности. Основное различие между интенсивностью и другими количественными изменениями качества лежит не в сфере денотативной семантики, а в сфере ее субъективной интерпретации. **Интенсификация** с этой точки зрения – это количественная модификация качества (отражающая отклонение от «нормальной» меры), делающая это качество существенным (релевантным) для говорящего и / или слушающего и выдвигающая данную форму на первый план по ее значимости.

Следует заметить, что интенсификацию необходимо отличать от такого близкого явления, как **гиперболизация** – «заведомое преуве-

личение, усиливающее выразительность, придающее высказыванию эмфатический характер» [Ахманова 1969: 99]. Как видно, по своим функциям и приемам это близкие явления, но при интенсификации нет того заведомого, явного, ирреального преувеличения, которое имеет место при гиперболизации. Например, это преувеличение есть в таком предложении, как: *Я тебя убью за эту «двойку»* (*убить* – «1. Лишить жизни, умертвить») – но нет в таком, как: *Ты меня убил своей «двойкой»* (*убить* – «...3. Сильно расстроить, привести в отчаяние»). Ср. также: *Я вас не видел тысячу лет; Он вино пьет бочками и Я безумно давно не видел вас; Он чудовищно много пьет.*

Рассмотрим далее соотношение и взаимосвязь категории интенсивности с близкими ей субъективно-прагматическими категориями: экспрессивности, эмотивности, оценочности и образности. Можно заметить, что при применении интенсификатора *очень* «фоновые предположения и ожидания» [Кубрякова и др. 1996: 73–74] говорящего включают в себя необходимость для слушающего обратить особое внимание на силу признака и привести свое поведение в соответствие с возникшей новой ситуацией. Эти фоновые ожидания сближают интенсивность с **экспрессивностью**, и в ряде случаев интенсификация даже «вырождается» в чисто экспрессивное средство, не выражающее реального дополнительного усиления признака (*безумно ненавидеть, истинная правда*).

Вслед за В. Н. Телия мы понимаем под экспрессивностью «нейтральность, остранение, деавтоматизацию, придающие речи необычность, а тем самым и выразительность, связанную с тем, что сигнал, передаваемый языковым выражением (высказыванием или целым тестом), усилен и тем самым выделен из общего потока» [Человеческий фактор в языке 1991: 7]. При этом среди средств выражения экспрессивности обычно называются: необычное стилистическое использование языковых средств; интенсификация количественного или качественного аспектов обозначаемого; восприятие «ассоциативно-образного представления, возбуждаемого данным выражением и служащего стимулом для положительной или отрицательной эмоциональной реакции реципиента, поскольку любой образ (или равноценное ему по функции средство) воздействует на эмоциональную сферу человека» [Человеческий фактор в языке 1991: 7]. Экспрессивность не только обеспечивает способность любой языковой единицы выражать субъективное отношение говорящего, но и позволяет автору текста «усилить эмоциональное воздействие на собеседника, иными словами, увеличить перлокутивный эффект... высказывания» [Вольф 2002: 42].

Интенсивность, несомненно, играет важнейшую роль в создании семантики экспрессивности. Это достигается за счет того, что интенсификация признака позволяет выделить какой-либо референт из класса одноименных референтов, и это обусловлено в том числе и тем, что «параметрическая оценка провоцирует включение эмоциональных реакций и выработку прагматической оценки» [Матвеева 1986: 15]. Вместе с тем такое выделение выражает не объективно высокую степень проявления признака, его реальную меру, а субъективное представление говорящего об этой мере как сильно отличающейся от нормальной (см. [Лукьянова 1986: 56–57]; [Кузнецова 1989: 184]).

Если говорить об интенсивности как семантической категории, имеющей свои средства выражения на всех уровнях языка, то нам представляется, что именно экспрессивный компонент отличает интенсивность от меры признака и градуальности. Однако нужно учитывать, что если экспрессивность как языковая категория связывается прежде всего с внешней выразительной стороной высказывания и при ее описании обычно обращают внимание на необычные средства выражения мысли (стилистически окрашенные слова, нарушение сочетаемости, инверсию, образность и т. п.), то **интенсивность предполагает констатацию необычности, выделенности самой ситуации, а не обязательно средств ее описания.** Можно говорить о двойственной природе категории интенсивности. «С одной стороны, она имеет онтологический статус как категория, лежащая в рамках количественных отношений, т. е. имеет внеязыковой референт, с другой, получая характер выделенности, переключается на коннотативный уровень языка и речи, взаимодействуя с категорией экспрессивности» [Сафонова 2002: 7].

В. Н. Телия отмечает, что «нуждается в обосновании... установление соотношения каждого из слагаемых с понятием экспрессивности и определение вклада каждого из элементов в создаваемый ими экспрессивный эффект» [Человеческий фактор в языке 1991: 7]. Напомним, что интенсивность, эмоциональность и образность некоторыми исследователями признаются однопорядковыми компонентами экспрессивности, создающими соответствующий эффект как по отдельности, так и в сочетании друг с другом (см., например: [Лукьянова 1986]). В этом плане представляется необходимым исследование взаимодействия семы интенсивности с другими компонентами лексического значения слова, определение ее места в структуре лексического значения. При этом интерес представляют как более изученные эксплицитные выразители интенсивности – интенсификаторы

(очень, страшно, безумно, невероятно и т. п.), так и интенсификаты – слова, у которых сема интенсивности имплицитно содержится в их значении. Таких слов встречается очень много во всех частях речи. Это существительные (*триумф* ‘большой успех’), прилагательные (*восхитительный* ‘очень хороший’), глаголы (*ликовать* ‘очень радоваться’), наречия (*виртуозно* ‘очень искусно’) и т. п. Провести четкую грань между интенсификаторами и интенсификатами сложно, так как многие слова, имеющие имплицитную сему *очень*, при этом еще могут и усиливать эксплицитно другие слова. Например, интенсификат *адский* ‘очень сильный’, присоединяясь к слову *боль*, становится интенсификатором для последнего слова: *адская боль* ‘очень сильная боль’.

Внутренний механизм интенсивности в имплицитных интенсификаторах достаточно сложен. В пределах значения одной лексемы очень часто (в большинстве случаев!) совмещаются значения эмоциональности и интенсивности: *Он омерзительно грязен* – ‘Он очень грязен, и это вызывает у меня неприятное чувство’; *У нее чудовищное произношение* – ‘У нее очень плохое произношение, и это меня огорчает’. С другой стороны, явное большинство слов со значением интенсивности служит для усиления эмоций (и оценки): *всепоглощающая страсть, безумная ненависть, безграничное восхищение, убийственное потрясение* и т. п.² В то же время интенсификация может и не вызывать включения в языковую единицу эмотивной семантики, например, при использовании ядерных компонентов функционально-семантического поля интенсивности типа *очень густой, сильный ветер, чрезвычайно трудный, весьма необычный*, а также имплицитных интенсификаторов типа *ливень, буря, моментальный*, у которых в значение уже имеющегося слова вносится не осложненная ничем сема усиления признака. Следует, однако, отметить, что случаи такого несложного усиления составляют минимальное число среди основной массы примеров интенсификации.

Сложные взаимоотношения складываются между семантическими категориями интенсивности и оценочности. Отметим, что еще В. Матезиус под интенсификацией подразумевал «**оценочным оттенком сопровождаемое** выражение высокой степени качества или же интенсивности действия или состояния» и отмечал, что «простое выражение количества, хотя и значительно большего, интенсификацией не является» [Mathesius 1947: 203] (цит. по [Кржижкова 1974:

² Не забудем при этом и об использовании интенсификации не для названия, а для выражении эмоций (*Богиня! Блеск! Мразь! Отпад!*).

122)). Мы уже говорили о теснейшей взаимосвязи интенсивности и эмотивности. Соотношение же самих категорий эмотивности и оценочности в лингвистической литературе понимается по-разному: от признания их неразрывной взаимосвязи (Н. А. Лукьянова и др.) до постулирования их самостоятельности (В. Н. Телия и др.). «Оценка межкатегорияльна, – отмечает в своей монографии, посвященной семантике оценки, Л. А. Сергеева, – и не только потому, что проникает в различные номинативные сферы и ментальные области, но еще и потому, что она самым тесным образом связана со многими другими категориями – субъективной модальностью, интенциональностью, эмотивностью и др. – и может анализироваться только на их фоне» [Сергеева 2003: 122].

Очевидно, что интенсификации особенно часто подвергаются именно оценочные предикаты. «Наличие параметрической линии концептуальных различий обусловлено тем, что свойство быть объективно хорошим или объективно плохим может проявляться в различной степени. Причем чем больше степень положительного или отрицательного признака, тем ярче проявляется мелиоративность или пейоративность субъективной оценки, которая приобретает различные оттенки отрицательного или положительного характера – от резкого осуждения до восхищения... Этот тип концептуальных различий предопределяет количественно-качественный характер оценочных парадигм в языке, специфику синонимических и антонимических отношений оценочных значений и обуславливает изоструктурность их лексико-семантических парадигм» [Сергеева 2003: 119]. Особым способом концептуализации высокой степени признака исследователь называет также рассмотрение оцениваемого явления как исключительного в каком-либо отношении. Не являющиеся сами по себе оценочными, слова-интенсификаторы типа *исключительный, уникальный* (см.: [Bolinger 1972: 324]) «в сочетании, называющими деятеля, приобретают аксиологический смысл, например: *выдающийся ученый, редкостная певица* в значении «исключительный по своим достоинствам» [Сергеева 2003: 117].

Но не только сама оценка может подвергаться интенсификации. Не менее важно то, что интенсификация любого признака очень часто сопровождается оценочной квалификацией. При этом в значение слова, как правило, вносятся одновременно семы интенсивности и эмоциональности, которые влекут за собой появление оценочного компонента, ср.: *возмутительно долгое заседание; восхитительно забавная игрушка*. Большинство интенсификаторов типа *безумно, потрясающе, безмерно, безгранично, невероятно* и т. п., могут при-

соединяться к словам как с положительной, так и с отрицательной оценкой, ср.: *безумно любить / ненавидеть, потрясающе красивый / уродливый*. При этом они служат для интенсификации признака и отражения эмоционального отношения к объекту усиления, но сами по себе, как нам кажется, не вносят никакой оценки. Присутствовавшая в интенсификаторе исконно отрицательная оценка очень часто утрачивается, и становятся вполне возможными словосочетания: *страшно красивая, ужасно люблю, жутко интересно* и т. п. Ю. Л. Воротников предлагает называть наречия типа *жутко, страшно, ужасно* в рассматриваемом употреблении «эмоциональными интенсификаторами», так же как и используемые в качестве наречий существительные *страх, жуть и ужас* ([Воротников 2003: 84]). Интересно, что среди интенсификаторов, выражающих необыкновенную степень признака, преобладают те, у которых первоначальное значение было именно отрицательным, а потом такая отрицательность утратилась. Причем это явление характерно не только для русского языка; ср. напр.: в чешском языке *strašně krásný, děsně zajímavý*, в польском – *strasznie zdolny, okropnie ciekawy* и т. п. (примеры взяты из [Кржижкова 1974: 131]).

Все три компонента – интенсифицирующий, эмоциональный и оценочный – совмещаются в значении очень многих интенсифицирующих средств при ведущей роли именно усиления признака. Особенно ярко взаимосвязь оценочных и эмоциональных значений со значением интенсивности проявляется в текстах современной рекламы, ср.: «*Орбит*» – *изумительно белые зубы и защита от кариеса; посетите наш потрясающий квартирный бутик; великолепный комплекс «Новая Остоженка»; восхитительный вкус и польза пяти злаков в моментальной каше «Быстров»; «Эрмигурт Эрманн» – это блаженство* и т. п.

Это взаимодействие часто встречается и в публицистических текстах, прежде всего – посвященных эмоциональному описанию чего-либо очень хорошего, радостного или, напротив, очень плохого, пугающего. В них интенсификация встречается весьма часто, а интенсифицирующие средства обычно содержат в себе и значение эмоциональности, и оценочности. Ср.: *И наконец Уитни Хьюстон получила отменный шанс для бурного развития сольной карьеры; В 1987 году очередной ее альбом, буквально нашпигованный шлягерами, взлетел на вершину хит-парада Billboard, а одна из песен семь раз подряд была «номером один» в *Bill-hits* – А там, внизу, ужас нищеты, национальной и социальной ненависти, деградация элементарных систем жизнеобеспечения; Если нет никакой оппозиции и критики властей, власть полностью выходит из-под контроля, что*

для второго города России является кратчайшим путем в катастрофу.

Значение эмоциональности и оценочности, как правило, совмещается со значением интенсивности и во фразеологизмах – одной из самых ярких и экспрессивных языковых единиц: *реветь благим матом, лить как из ведра, душа в пятки ушла, до белого каления, с души воротит* и т. п. Особое место занимают среди фразеологизмов так называемые «устойчивые сравнения» (см. [Лебедева 1999]): *бояться как огня, сладкий как мед, нужен как воздух*. Некоторые из них являются чистыми интенсификаторами (*голодный как волк, как зверь*), фактически утратившими всякий элемент реального сравнения. В других такое живое сравнение еще ощущается (ср.: *худой как жердь* (и высокий), *худой как скелет* (и страшный) и *худой как глиста* (и бледный, противный) [Лебедева 1999: 31]). Встречаются и такие, в которых «образный смысл опирается как на логико-предметное содержание устойчивого сравнения, так и на прямое значение других компонентов сравнительной формулы» [Лебедева 1999: 32]: *душно как в бане, безвкусный как трава*.

Нам представляется, однако, что во многих случаях именно образность, основанная на сравнении (стертом или явном), интенсифицирует признак и **вместе** с этим усилением создает эффект экспрессивности. Под образностью при этом мы понимаем «свойство слова (языковой единицы), характеризующегося семантической двуплановостью и метафорическим способом ее выражения» [Блинова 1997: 4]. Основным средством создания образа становится образная метафора, сближающая в сознании два разноплановых явления. Образная метафора возникает из «потребности воссоздать увиденную и схваченную мысль, сходство различных явлений, раскрывая свойство одного чувственно воспринимаемого явления через свойства другого» [Чернейко 1999: 244]. В основе лежит ассоциация с образом – «отражением конкретного чувственного представления, имеющего источником окружающий нас мир действительности, преломленный через творческое сознание автора» [Лукьянова 1986: 12].

Именно переносные, метафорические значения большинства лексем несут в себе усилительное значение, например: *болезненный* – «...2. Неестественный, ненормальный, чрезмерный (*самолюбие*)»; *вечность* – «...3. О времени, тянущемся очень долго»; *ядовитый* – «...4. Очень сильно и неприятно действующий на органы чувств»; *фирменный* – «...2. Очень хороший, отличного качества»; *умирать* – «...2. Испытывать в сильной степени, предаваться в сильной степени»; *стихия* – «...3. Могучее, сильное чувство» – и т. п.

Можно сказать, что именно образная метафора является средством создания усилительного значения в словах *ад, бегемот, богиня, бомба, буря, вал, град, осел, рай; ангельская (доброта), арктический (холод), голубиная (кротость), ювелирная (точность); жгуче (желал); бичевать, взлететь (о цене), зажечься (страстью)* и многих других. Образная метафора, как отмечают исследователи, играет особую роль и в интерпретации оценочных смыслов. «Образ в этом случае служит своеобразным аналогом основания (критерия) оценки» [Сергеева 2003: 123].

Таким образом, категория интенсивности находится в сложной взаимосвязи с объективными и субъективными семантическими категориями. При интенсификации признака прежде всего актуализируется количественная характеристика явления: признак выше обычного – и это важно, не нейтральный, на это следует обратить внимание (*очень большой, чрезвычайно глубокий*). Как видно, такое количественное усиление может не сопровождаться оценкой или эмоциями. Но чаще следует дальнейшее развитие субъективной посылки: это необычно и поэтому вызывает оценку и эмоции (*ужасно уродливый, восхитительно красивый*), причем на рефлексорном уровне приятное обычно воспринимается как «хорошее», а неприятное – как «плохое» ([Лукьянова 1986]) и наоборот – «это хорошо и поэтому приятно» и «это плохо и поэтому неприятно». «Частнооценочные значения выносят приговор об аномалии (см. [Арутюнова 1988: 298–314]), а эмотивно окрашенное говорит об одобрении / неодобрении в эмоционально окрашенном спектре (выражает чувства-отношения презрения, пренебрежения, порицания или же восхищения, восторга и т. п.) и стремится это отношение донести до сознания реципиента как можно ярче, впечатляюще» [Человеческий фактор в языке 1991: 21].

Включение интенсифицированных слов в текст должно, по замыслу говорящего, усилить его воздействие на собеседника – выполнить экспрессивную функцию. Коммуникативная цель интенсификации, таким образом, состоит не столько в том, чтобы показать, что признак превышает норму, сколько в том, чтобы «ввести в высказывание аффективный компонент значения, усилить таким образом «эмотивную» сторону оценки – отношение субъект – объект и тем самым более эффективно воздействовать на адресата» [Вольф 2002: 111].

Л и т е р а т у р а

- Арутюнова 1988 – *Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
- Ахманова 1969 – *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1969.
- Балли 1961 – *Балли Ш.* Французская стилистика. М., 1961.
- Беловольская 1999 – *Беловольская Л. А.* Категория недискретного количества и ее грамматический статус. Таганрог, 1999.
- Блинова 1997 – *Блинова О. И.* Введение // Словарь образных слов и выражений народного говора. Томск, 1997. С. 3–24.
- Бондарко 2001 – *Бондарко А. В.* Основы функциональной грамматики. СПб., 2001.
- Вежбицкая 1997 – *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1997.
- Вольф 2002 – *Вольф Е. М.* Функциональная семантика оценки. М., 2002.
- Воротников 1999 – *Воротников Ю. Л.* Категория меры признака в смысловом строе русского языка: Дисс. ... докт. филол. наук. М., 1999.
- Воротников 2003 – *Воротников Ю. Л.* Слова и время. М., 2003.
- Колесникова 1999 – *Колесникова С. М.* Категория градуальности в современном русском языке: Дисс. ... докт. филол. наук. М., 1999.
- Кржижкова 1974 – *Кржижкова Е.* Количественная детерминация признака в русском языке // Синтаксис и норма. М., 1974. С. 123–144.
- Кубрякова и др. 1996 – *Кубрякова Е. С. и др.* Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
- Кузнецова 1989 – *Кузнецова Э. В.* Лексикология русского языка. М., 1989.
- Лебедева 1999 – *Лебедева Л. А.* Устойчивые сравнения русского языка во фразеологии и фразеографии. Краснодар, 1999.
- Лукьянова 1986 – *Лукьянова Н. А.* Экспрессивная лексика разговорного употребления: (Проблемы семантики). Новосибирск, 1986.
- Лукьянова 1991 – *Лукьянова Н. А.* Экспрессивность как семантическая категория // Языковые категории в лексикологии и синтаксисе. Новосибирск, 1991. С. 3–23.
- Матвеева 1986 – *Матвеева Т. В.* Лексическая экспрессивность в языке. Свердловск, 1986.
- Порядина 2003 – *Порядина Р. Н.* О семантической категории желательности // Миромоделирование в языке и тексте / Под ред. З. И. Рязановой. Томск, 2003. С. 19–30.
- Сафонова 2002 – *Сафонова С. С.* Местоименно-союзные предложения с семантикой интензивности в языке современной прессы: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 2002.
- Сергеева 2003 – *Сергеева Л. А.* Проблемы оценочной семантики. М., 2003.
- Сущинский 1997 – *Сущинский И. И.* Словарь усилительных словосочетаний русского и немецкого языков. М., 1997.
- Убин 1995 – *Убин И. И.* Словарь усилительных сочетаний русского и английского языков. 2-е изд. М., 1995.
- Фасмер 1996 – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1996.
- Человеческий фактор в языке 1991 – Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. М., 1991.
- Чернейко 1999 – *Чернейко Л. О.* Лингвофилософский анализ абстрактного имени. М., 1999.

Славянский вестник. Вып. 2. М.: МАКС Пресс, 2004. 608 с.

Черных 1999 – *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М., 1999.

Шейгал 1981 – *Шейгал Е. И.* Интенсивность как компонент семантики слова в современном английском языке: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1981.

Bolinger 1972 – *Bolinger D.* Degree words. Paris; Lyons, 1972.

Mathesius 1947 – *Mathesius V.* Zesílení a zduraznění jako jevy jazykově // *Ceština a obecný jazykozpyt*. Praga, 1947.